

Циклические колебания промышленного производства в США и России: причины различий¹

Смирнов С.В.

В статье выявляются особенности динамики производства товаров промежуточного, инвестиционного и потребительского назначения в экономиках США и России, что позволяет подступиться к пониманию механизмов формирования экономических циклов в их страновой специфике. На основе статистического анализа разработанных автором для России индексов физических объемов промышленного производства делается вывод о том, что в России динамика выпуска промышленных товаров по-прежнему в значительной степени определяется не спросом, а предложением продукции. Это связывается со слабой диверсификацией российской экономики, высокой степенью ее монополизации и значительной ролью импорта в удовлетворении потребительского и инвестиционного спроса.

Ключевые слова: экономический цикл; циклы роста; промышленное производство; потребительский спрос; инвестиционный спрос; промежуточный спрос.

Несмотря на тяжелые кризисы поздней советской, а потом российской экономики (стагнация начала 1980-х, неуспех политики «перестройки и ускорения», глубочайший трансформационный спад первой половины 1990-х, всем памятный дефолт 1998 г.), мало кто из российских экономистов верил в то, что экономика России подвержена законам циклического развития². Кризисы рассматривались как события, имевшие конкретные причины, которые в дальнейшем повторяться не будут, а «сытые» 2000-е гг. породили иллюзию, что возможен быстрый поступательный

¹ Статья основана на результатах исследований, выполненных в Центре развития по заказу Министерства экономического развития РФ (государственный контракт № 0101-03-09). Автор выражает признательность В. Вильф за помощь в обработке данных ЦБСД Росстата по выпуску промышленной продукции в натуральном выражении, а также В.А. Бессонову и другим рецензентам «Экономического журнала ВШЭ» за ценные замечания, способствовавшие значительной доработке первоначального варианта статьи.

² К числу немногих исключений можно отнести нашу статью 2001 г. (см. [4]).

Смирнов С.В. – к.э.н., заместитель директора Института «Центр развития» Государственного университета – Высшей школы экономики, e-mail: svsmirnov@hse.ru

Статья поступила в Редакцию в апреле 2010 г.

рост, не сменяемый периодами стагнации или падения. В этой благодушной атмосфере было объявлено об «удвоении подушевого ВВП за десять лет», с учетом чего проблематика экономических циклов стала выглядеть совершенно неактуальной³. И только глобальный кризис 2008–2009 гг. вновь позволил говорить о том, что цикличность является неизбежной формой разворачивания экономических процессов во времени, в том числе для России.

За последний год появилось огромное число публикаций, посвященных самым разнообразным аспектам текущего кризиса, реже – некоторых прошлых кризисов. Однако работ, в которых анализировалась бы циклическая динамика за сколь угодно продолжительный период времени, пока совершенно недостаточно. В качестве наиболее удачных примеров можно привести [5] и [6], но даже в этих исследованиях акцент делается на инструментальной стороне дела (расчете обобщающих индикаторов, опережающих общеэкономическую динамику). Проблематика, связанная с действием *механизмов* экономического цикла в условиях российских реалий, пока остается совершенно неразработанной. Между тем, если принять, что законы циклического развития хотя бы в будущем начнут действовать в российской экономике (а сейчас вряд ли кто-нибудь рискнет это категорически отрицать), изучение механизмов цикла следует признать чрезвычайно важной и актуальной задачей.

В данной работе делаются первые шаги в этом направлении. Анализ проводится на основе статистических данных по промышленности, поскольку именно промышленность является одним из наиболее циклически чувствительных секторов экономики (колебания объемов промышленного производства в ходе экономического цикла – в сравнении с другими секторами экономики – особенно велики)⁴. При этом различия в циклической динамике производства промышленных товаров вытекают из функционального назначения этих товаров и вытекающих из него особенностей спроса на них.

В первом разделе данной статьи рассматриваются особенности циклической динамики производства промежуточной, инвестиционной и потребительской промышленной продукции в США. Выявленные закономерности в дальнейшем используются в качестве некоего «эталона», в сопоставлении с которым ярче и рельефнее проявляются особенности современной российской экономики. Далее, поскольку в отечественной статистике отсутствуют необходимые данные⁵, во втором разделе кратко описываются специально построенные нами для России помесечные индексы физических объемов производства промежуточной, инвестиционной и потребительской продукции (начиная с января 1981 г.). В третьем разделе анализируются осо-

³ Справедливости ради нужно отметить, что в большинстве развитых стран, которые в 1990-е и 2000-е гг. сумели избежать серьезных кризисных потрясений, популярность исследований, посвященных анализу экономических циклов, тоже была не слишком высокой.

⁴ Рядом с промышленностью в этом смысле можно поставить, пожалуй, только строительство и, в какой-то мере, грузовой транспорт. Сельскохозяйственное производство, хотя тоже имеет значительную амплитуду колебаний, определяется, прежде всего, природными факторами (урожаем/неурожаем), а сфера услуг наименее чувствительна к смене фаз экономического цикла.

⁵ В принципе, некоторая информация о выпуске промышленных товаров в разрезе направлений их использования содержится в МОБ. Однако МОБ не позволяет анализировать циклическую (краткосрочную) динамику. Не говоря уже о том, что последний МОБ для России относится к 2003 г.

бенности динамики этих секторов российской промышленности, а в заключении подводятся некоторые итоги.

1. Особенности циклической динамики в США, 1947–2009 гг.

Циклическая динамика различных индикаторов американской экономики исследовалась многократно (см., например, [2; 9–12]), но уже достаточно давно, поскольку последние 20–25 лет – вплоть до начала кризиса 2008–2009 гг. – прошли под знаком уменьшения циклических колебаний. Сейчас анализ промышленного цикла в США вновь стал актуальным. Американская статистика позволяет – наряду с общепромышленным индексом (в дальнейшем обозначен аббревиатурой TOT) – рассмотреть следующие группы товаров: а) сырье и материалы, включая комплектующие (MT), б) машины и оборудование (EQ), в) потребительские товары долгосрочного пользования (CD), г) потребительские товары краткосрочного пользования (CN)⁶. Опираясь на исходные помесечные базисные индексы для всех этих товарных групп за 1947–2009 гг., мы рассчитали годовые темпы (текущий месяц к соответствующему месяцу предыдущего года)⁷ и сопоставили их с общепотребимой датировкой экономических спадов и подъемов, составленной Национальным бюро экономических исследований (НБЭИ)⁸.

Графически результаты сопоставлений представлены на рис. 1, а в табл. 1 приведены наиболее важные динамические характеристики всей промышленности США и основных товарных групп, отличающихся функциональным назначением продукции.

Основные выводы, которые можно сделать на их основе, таковы.

В ходе всех послевоенных рецессий (их было 11) помесечные объемы промышленного производства снижались по сравнению с соответствующим месяцем предыдущего года (при этом последняя рецессия сопровождалась самым глубоким за весь послевоенный период падением производства). Случаи, когда объемы промышленности падали («год к году»), а НБЭИ не объявляло о вхождении американской экономики в рецессию, носят буквально единичный характер⁹.

⁶ В США индексы промышленного производства оцениваются и публикуются Советом управляющих ФРС. Общепромышленный индекс имеет в статистике ФРС код В50001. Индекс для группы «сырье и материалы (включая комплектующие)» рассчитан нами как взвешенное среднее из базисных индексов (2002=100) «materials» (код В53000) и «nonindustrial supplies» (код В54000) с весами, равными их доле в добавленной стоимости. Остальные базисные индексы взяты в том виде, в каком их дает ФРС: «машины и оборудование» («equipment», код 52000); «потребительские товары долгосрочного пользования» («durable consumer goods», код 51100); «потребительские товары краткосрочного пользования» («nondurable consumer goods», код 51200).

⁷ Такой подход лежит в рамках концепции циклов роста (подробнее см. [4, с. 24–25]), которая на данный момент представляется нам предпочтительной.

⁸ National Bureau of Economic Research (<http://www.nber.org/cycles/cyclesmain.html>). В НБЭИ датировка поворотных точек проводится специальной группой общепризнанных экспертов, которые выносят свои вердикты на основании «всей имеющейся информации». Динамика промышленности является для них лишь одним из учитываемых показателей, поэтому нельзя ожидать полного совпадения между поворотными точками НБЭИ и переломами тенденций промышленного производства.

⁹ Единственный содержательный пример такого рода – промышленная стагнация, продолжавшаяся на фоне Корейской войны с августа 1951 г. по июль 1952 г. В принципе, НБЭИ

Таблица 1.

**Прирост промышленного производства в США
(январь 1948 – август 2009 гг.), в процентах
(месяц к соответствующему месяцу предыдущего года)**

Основные товарные группы (по функциональному назначению продукции)	Код	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум	Вариационный размах
Промышленность – всего	TOT	3,2	5,9	-13,6	27,5	41,2
Сырье и материалы	MT	3,3	7,1	-16,1	38,8	54,8
Машины и оборудование	EQ	4,6	9,2	-18,7	46,8	65,5
Потребительские товары долгосрочного пользования	CD	3,7	11,4	-35,3	45,9	81,1
Потребительские товары краткосрочного пользования	CN	2,6	2,8	-5,4	13,8	19,3

Источник: данные ФРС США, расчеты Центра развития.

Момент, когда годовой прирост промышленного производства, оставаясь отрицательным, начинал расти, в подавляющем большинстве случаев либо совпадал с последним месяцем рецессии по классификации НБЭИ, либо отличался от него не более чем на один месяц. Если руководствоваться этим соображением, можно заключить, что последняя рецессия завершилась в мае-июне 2009 г. (НБЭИ может официально объявить об этом еще через полгода-год). В любом случае, очевидно, что колебания темпов промышленного производства теснейшим образом связаны с фазой общеэкономического цикла (или, во всяком случае, что НБЭИ, вынося свои суждения, во многом ориентируется именно на промышленную динамику).

Диапазон изменения промышленных темпов достаточно велик: от +27,5% г/г (октябрь 1950 г.) до -13,6% г/г (апрель 2009 г.). При этом наблюдается некоторая тенденция к уменьшению волатильности промышленного производства во времени. Особенно большой она была до начала 1960-х гг., потом уменьшилась. С середины 1980-х она еще более заметно снизилась.

Динамика производства сырья и материалов фактически повторяет динамику всей промышленности. Сходство двух рядов объясняется не только значительным удельным весом сырья и материалов в общепромышленном индексе (59%), но и спецификой спроса на производство промежуточной продукции (он определяется объемом валового производства промышленной продукции, ибо промежуточной продукции выпускается столько, сколько ее нужно, чтобы произвести всю валовую продукцию). Хотя на графике эти две кривые зачастую вообще неразличимы, можно все-таки заметить, что темпы выпуска сырья и материалов несколько более волатильны. Пики здесь оказываются выше, а впадины – ниже, нежели по промышленности в целом, поскольку изменения конечного спроса усугубляются движением запасов.

могло бы классифицировать этот период как рецессию, но не стало этого делать, поскольку падение в промышленности было кратким, незначительным и не сопровождалось сокращением в других секторах экономики (вследствие чего ВВП, например, продолжал расти).

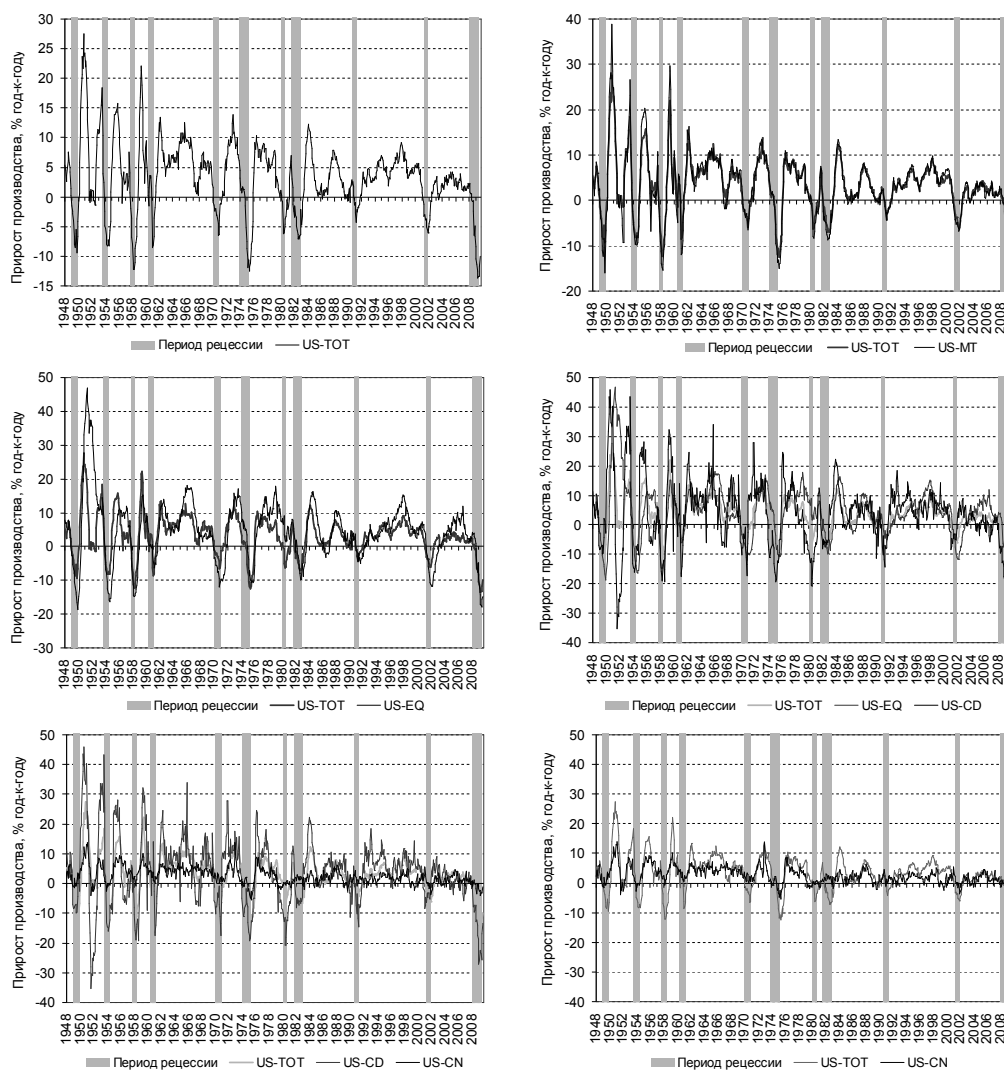

Рис. 1. США: прирост промышленного производства, % год к году

Источник: данные ФРС США, расчеты Центра развития.

Главной особенностью производства машин и оборудования – при еще более высокой, чем для сырья и материалов, волатильности темпов – является запаздывание выпуска оборудования относительно всей промышленности, что связано с особенностями инвестиционного спроса. Во-первых, он сам по себе имеет повышенную волатильность: отказ от значительной части инвестиций при плохой конъюнктуре – случай достаточно типичный. Во-вторых, на инвестиционные товары спрос еще некоторое время после начала рецессии поддерживается на достаточно высоком уровне, поскольку предприниматели стремятся «любой ценой» довести до конца те про-

екты, которые близки к завершению. Наконец, в-третьих, существует определенный лаг при принятии инвестиционных решений. Из-за этого инвестиционный спрос оживает только через какое-то время после завершения рецессии.

Выпуск потребительских товаров долгосрочного пользования тоже является чрезвычайно волатильным (еще более волатильным, чем производство инвестиционных товаров!). В каких-то аспектах спрос населения на эти товары можно уподобить инвестиционному спросу. Например, при ухудшении конъюнктуры приобретение товаров длительного пользования может быть без особого труда отложено «на потом». Вместе с тем, с точки зрения циклической динамики, есть существенные особенности потребительского спроса на товары долгосрочного пользования, поскольку этот спрос не запаздывает относительно общезкономического цикла, а скорее опережает его. Собственно говоря, опережающие свойства потребительского спроса хорошо известны (по крайней мере, в контексте американской экономики), и оценки потребительских настроений, получаемые в ходе регулярных опросов, считаются одними из наиболее важных опережающих индикаторов¹⁰. Выпуск потребительских товаров долгосрочного пользования, скорее всего, запаздывает относительно первых признаков изменения спроса, но в сравнении с общепромышленным выпуском можно говорить о небольшом опережении.

Выпуск потребительских товаров *краткосрочного* пользования тоже немного опережает общепромышленную динамику, но главная отличительная особенность этой группы товаров – в низкой волатильности темпов. Максимальный темп прироста в этой группе товаров (+13,8% г/г) наблюдался в феврале 1951 г., а минимальный (-5,4% г/г) – в мае 1975 г. Такие обобщающие показатели волатильности, как вариационный размах (разность между максимумом и минимумом) или стандартное отклонение, здесь примерно в 2 раза ниже, чем по промышленности в целом, и в 4 раза (!) ниже, чем по группе потребительских товаров долгосрочного пользования. Очевидно, что столь низкая волатильность также определяется особенностями спроса: население крайне неохотно снижает уровень текущего потребления даже в тяжелых финансовых обстоятельствах, а в периоды финансового благополучия не слишком значительно наращивает его объем.

Эффекты опережения и запаздывания можно более детально рассмотреть на основе коэффициентов парной корреляции между темпами всей промышленности и темпами товарных групп с разными лагами (рис. 2)¹¹. Эти расчеты подтверждают основные положения, полученные на основе визуального анализа.

¹⁰ При этом остается не вполне ясным, почему потребители (т.е. «обыватели») точнее предугадывают изменения конъюнктуры, чем профессиональные менеджеры и эксперты. Мы выскажем две гипотезы. Во-первых, если воспользоваться терминологией азартных игр, потребители «играют на свои», тогда как эксперты и менеджеры – «на чужие»: если потребитель ошибается со временем покупки долгосрочного товара, он от этого страдает сам, а если в своем прогнозе ошибается эксперт или менеджер, его личное благосостояние, скорее всего, вообще не меняется (во всяком случае, непосредственно вследствие его собственной ошибки). Такая «личная заинтересованность» вполне может выработать навык «чувствовать кожей». Во-вторых, в потребительской сфере фактически отсутствует лаг принятия решений. Если потребитель решил отказаться от покупки, он ее просто не совершает, тогда как в компании процесс пересмотра инвестиционных планов может занять достаточно длительное время.

¹¹ Иными словами, коэффициенты корреляции рассчитывались между темпами («год к году») всей промышленности и темпами той или иной группы, «сдвинутыми» на несколько месяцев (до 12) «вперед» или «назад». Положительный лаг означает, что изменение темпов

В частности, можно отметить явную синхронность всей промышленности (ТОТ) и производства сырья и материалов (МТ). Коэффициент корреляции между этими показателями при нулевом лаге равен 0,983, а при росте лагов как в ту, так и в другую сторону он достаточно монотонно снижается.

Динамика производства машин и оборудования (EQ) является запаздывающей: коэффициент корреляции достигает своего максимума (0,783) при лаге -3 месяца. Это означает, что производство инвестиционных товаров реагирует на изменение общеэкономической конъюнктуры (как положительное, так и отрицательное) с опозданием около квартала. Можно предположить, что во многом это определяется лагом принятия инвестиционных решений.

Имеет место небольшое (1–2 месяца) опережение производства потребительских товаров (как долгосрочного, так и краткосрочного пользования). Максимальный коэффициент корреляции для потребительских товаров краткосрочного пользования (0,705) достигается при лаге $+1$, но он буквально на тысячные доли отличается от коэффициентов корреляции для лагов 0 (0,702) и $+2$ (0,697). Максимальный коэффициент корреляции для потребительских товаров долгосрочного пользования (0,800) достигается при лаге 0, но он мало отличается от коэффициентов корреляции для лагов $+1$ (0,798) и $+2$ (0,790).

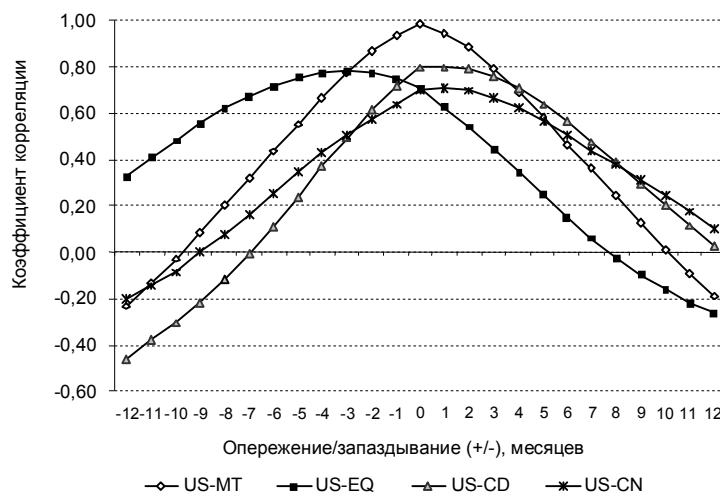

Рис. 2. США (январь 1948 г. – август 2009 г.):
корреляции с темпами роста всего промышленного производства при разных лагах

Источник: данные ФРС США, расчеты Центра развития.

Особо можно выделить любопытный эффект, связанный с существованием «отложенного спроса» на потребительские товары длительного пользования. Коэффициенты корреляции между общепромышленными темпами и темпами производства потребительских товаров долгосрочного пользования с увеличением запазды-

группы опережает общепромышленную динамику. Отрицательный лаг указывает на запаздывание относительно промышленности в целом.

вающих лагов постепенно убывают, становясь отрицательными при лаге -7 . После этого они продолжают возрастать (по абсолютной величине) и – в отличие от остальных групп товаров – при больших лагах вновь становятся статистически значимыми, но уже с отрицательным знаком. Максимальная корреляция ($-0,482$) достигается при лаге -13 (запаздывание на 13 месяцев). Это означает, что существует обратная связь между текущим темпом производства и темпом, наблюдавшимся чуть более года назад. Иными словами, если год с небольшим назад из-за плохой общей конъюнктуры платежеспособный спрос на потребительские товары длительного пользования оказался ниже обычного уровня, в этом году он может оказаться выше обычного уровня, поскольку сама потребность в товарах длительного пользования «никуда не делась»¹². Интересно, что по инвестиционным товарам такого эффекта «отложенного спроса» не наблюдается: инвестиционный спрос не накапливается!

2. Оценка индексов физических объемов производства в России

В России агрегированные индексы физического объема промышленного производства исчисляются Росстатом начиная с 1992 г., однако официальные индексы имеются только по промышленности в целом, а также по отдельным отраслям или видам деятельности. Индексы, которые характеризовали бы динамику выпуска по товарным группам, отличающимся разным функциональным назначением продукции, в российской официальной статистике отсутствуют. Лишь эпизодически они встречаются и среди неофициальных показателей¹³. Поэтому дальнейшие расчеты опираются на наши собственные оценки, полученные на основе помесечных данных Росстата о выпуске отдельных видов промышленной продукции в натуральном исчислении. Подробно методика расчета агрегированных индексов для потребительских, инвестиционных и промежуточных товаров описана в работе [3], здесь мы только коротко обрисовываем ее основные особенности.

Первичные статистические данные за 1981–1991 гг. были взяты из ежемесячного печатного бюллетеня «Основные показатели работы промышленности», а данные за 1992–2009 гг. – из Центральной базы статистических данных (ЦБСД), размещенной на сайте Росстата¹⁴. Нам удалось построить динамические ряды – почти непрерывные (без пропусков) и почти сопоставимые – по 108 продуктам¹⁵. Приходится говорить «почти» потому, что в оперативных данных Росстата встречаются и изменения в периодичности, и изменения в широте охвата собираемой информации, и пропуски, и ошибки. Это нормально в том смысле, что иначе и быть не может (и не бывает ни в какой другой стране), однако это означает, что исходная месячная статистика требует предварительной обработки. Так, некоторые пропуски мы «латали» исходя из объемов производства соответствующего продукта в одноименные месяцы соседних лет, исправляли явные ошибки и опечатки. Было бы слишком обременительно описывать все эти корректировки, но главную из них

¹² Если, допустим, в прошлом году кто-то собирался приобрести холодильник, но отложил покупку, тогда в этом году купит холодильник не только тот, кто и так должен был купить его в текущем году, но также и тот, кто не купил в прошлом.

¹³ Едва ли не единственное исключение см.: [1, с. 139–141].

¹⁴ См.: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1>

¹⁵ Их перечень приведен в [3].

отметить необходимо. Дело в том, что сумма месячных выпусков обычно не равна итоговому производству за год (предприятия в течение года пересматривают свои отчеты за предыдущие месяцы и даже за предыдущий год, а, кроме того, в целях ускорения и облегчения сбора информации Росстат не учитывает часть предприятий при подготовке месячных данных). Поэтому мы привлекли информацию о годовом выпуске в натуральном исчислении – за те же годы и по тому же кругу продуктов. Для 1981–1991 гг. цифры брались из «Утвержденных итогов работы промышленности», а для 1992–2008 гг. – из ЦБСД Росстата. При расчете индексов отдельных товаров мы использовали годовые данные, интерполируя их по менее «аккуратным» месячным данным. Такая процедура улучшает сопоставимость информации при переходе от одного года к другому, оставляя без изменения сопоставимость внутри каждого года.

В качестве базового периода мы взяли 1989 г., приняв за 100% *среднемесячный* уровень производства этого года. Иначе говоря, выпуск каждого продукта в 1989 г. мы поделили на 12, а все месячные объемы выразили в процентах от этой величины. Наконец, при расчете агрегатных индексов (индексов по группам товаров) в качестве весов использовалась стоимость товарного выпуска каждого продукта (в оптовых ценах предприятий, без налога с оборота) за тот же 1989 г. Эта информация взята из отчета «Средние оптовые цены, себестоимость и рентабельность производства важнейших видов продукции».

По аналогии с США мы выделили четыре группы товаров и соответственно рассчитали четыре субиндекса: а) сырье и материалы, б) машины и оборудование, в) потребительские товары долгосрочного пользования, г) потребительские товары краткосрочного пользования. Число включенных в каждый субиндекс товаров, а также удельные веса каждого субиндекса в совокупном индексе промышленного производства приведены в табл. 2.

Таблица 2.

**Совокупный индекс промышленного производства
и субиндексы по основным группам продукции**

Основные группы продукции (по типу рынка)	Код	Число продуктов в субиндексе	Удельный вес субиндекса в совокупном индексе, %	
			по числу продуктов	по стоимости (в ценах 1989 г.)
Промышленность – всего	TOT	108	100,0	100,0
Сырье и материалы	MT	46	42,6	70,3
Машины и оборудование	EQ	25	23,1	7,4
Потребительские товары долгосрочного пользования	CD	13	12,0	4,0
Потребительские товары краткосрочного пользования	CN	24	22,2	18,3

Источник: данные Росстата, расчеты Центра развития.

Динамика производства по промышленности в целом и по указанным группам товаров (после устранения сезонности) показана на рис. 3¹⁶.

¹⁶ Сезонная корректировка проводилась с помощью программы «Demetra» (алгоритм X-12-ARIMA).

В движении разных индексов в рассматриваемый период имеются существенные отличия. Например, в 1980-е гг. выпуск отечественного оборудования стал сокращаться на два с небольшим года раньше, чем промышленное производство в целом (с августа 1986 г., а не с октября 1988 г.), а в ходе трансформационного спада снижение именно в этом секторе было самым глубоким. В сентябре 1998 г. (кризисный минимум) производство отечественного оборудования составило всего 10% (!) от предкризисного максимума¹⁷. После динамичного роста в 1999–2008 гг. (с сентября 1998 г. до августа 2008 г. выпуск вырос в 3,5 раза) реакция на мировой кризис 2008 г. тоже оказалась очень бурной: падение с августа 2008 г. по июнь 2009 г. достигло почти 70%. Хотя значительная девальвация рубля, казалось бы, могла защитить этот сектор от конкуренции импорта, более важным оказался фактор спроса: в условиях роста неопределенности, снижения прибыли и сокращения кредитования компании, в первую очередь, стали «резать» свои инвестиционные программы.

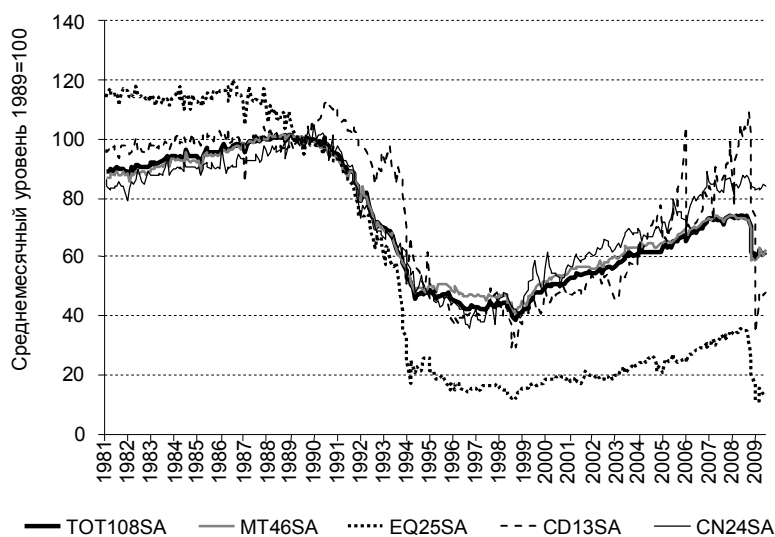

Рис. 3. Россия: индексы промышленного производства

Источник: данные Центра развития.

Производство потребительских товаров длительного пользования – после почти десятилетней стагнации в 1980-х гг. – стало быстро расти примерно с середины 1989 г., когда начала сказываться незадолго до того принятая государственная программа конверсии оборонных предприятий. Некоторое время выпуск продукции в этом секторе рос, и спад здесь начался позже, чем где бы то ни было (лишь в сентябре 1990 г.). Однако впоследствии отечественные производители потребительских товаров длительного пользования не выдержали конкуренции с хлынувшим в страну импортом, и падение здесь в итоге оказалось больше, чем во всех других секто-

¹⁷ По промышленности в целом «остаток» был почти вчетверо больше: 38% от предкризисного максимума.

рах, кроме выпуска инвестиционных товаров (минимум в сентябре 1998 г. составил всего 26% от предкризисного максимума в августе 1990 г.). После кризиса 1998 г. в этом секторе наблюдался бурный рост (в 3,8 раза к сентябрю 2008 г.) не в последнюю очередь вследствие организации сборочных производств иностранными автомобильными компаниями. Однако текущий кризис в этом сегменте экономики оказался, пожалуй, наиболее болезненным, поскольку в предыдущий период спрос здесь был «перегрет», прежде всего, за счет ускоренного развития потребительского кредитования. С сентября 2008 г. по январь 2009 г. падение здесь составило почти 70%.

Производство потребительских товаров краткосрочного пользования с конца 1990-х гг. росло быстрее, чем по промышленности в целом, а кризис в конце 2008 г. – начале 2009 г. был менее заметен, чем в каком-либо другом секторе (падение всего на 6,5% г/г).

3. Особенности промышленной динамики в России, 1982–2009 гг.

На основе построенных индексов производства мы рассчитали годовые приросты производства (год к году) для российской промышленности в целом и для всех четырех выделенных товарных групп за период с января 1982 г. по июнь 2009 г. Результаты представлены в табл. 3 и на рис. 4.

Таблица 3.

Прирост промышленного производства в России (январь 1982 – июнь 2009 гг.), в процентах (месяц к соответствующему месяцу предыдущего года)

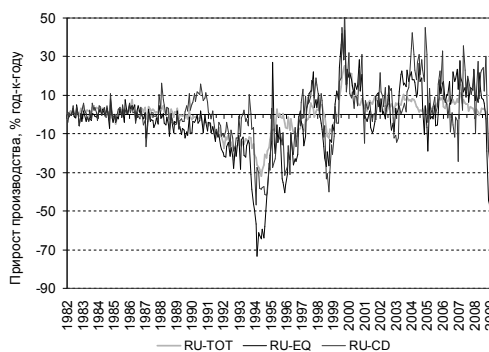
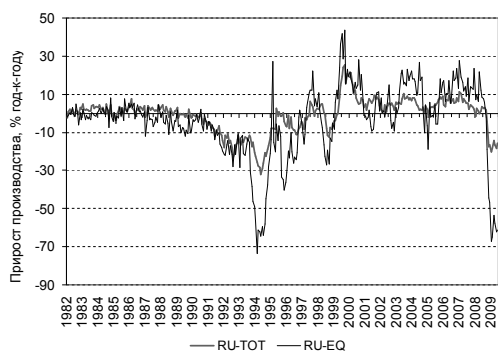
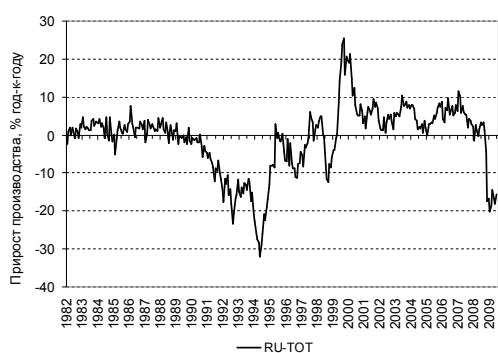
Основные товарные группы (по функциональному назначению продукции)	Код	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум	Вариационный размах
Промышленность – всего	ТОТ	-0,7	8,9	-20,1	25,4	57,5
Сырье и материалы	МТ	-0,8	8,4	-20,6	24,0	54,4
Машины и оборудование	EQ	-3,9	19,1	-67,4	43,7	117,1
Потребительские товары долгосрочного пользования	CD	0,1	17,0	-65,2	54,8	120,1
Потребительские товары краткосрочного пользования	CN	0,6	11,3	-8,6	45,5	74,2

Источник: данные Центра развития.

Сразу приходится констатировать, что большинство закономерностей, действующих в США, в российской экономике пока *не* действуют. Пожалуй, есть только две черты, которые можно считать общими для России и США. Во-первых, это достаточно тесная связь между промышленным и общеэкономическим циклом (что видно из тесной связи промышленного производства и ВВП). Во-вторых, это тесная связь *общепромышленных* темпов и темпов производства *сырья и материалов*.

Однако уже здесь начинаются отличия: волатильность выпуска сырья и материалов в России не выше, а ниже (впрочем, лишь немного) общепромышленной. Последний факт может объясняться двояко: либо преимущественно экспортной ориентацией российских производителей сырья и материалов (чего нет в США)¹⁸, либо неумением российских компаний адекватно управлять запасами.

В России нет очевидной тенденции к снижению волатильности выпуска. Текущая рецессия по глубине снижения производства за год вполне сопоставима даже с годами эпохи трансформационного спада (правда, тогда спад продолжался восемь (!) лет подряд; есть надежда, что текущая рецессия затянется не больше чем на год-полтора). Годовой прирост производства основных групп товаров на 30–40% г/г для России тоже не редкость, особенно для выпуска промышленного оборудования и потребительских товаров длительного пользования.

¹⁸ Это объяснение «проходит», если волатильность сырьевого экспорта *ниже*, чем волатильность производства сырьевых товаров. Так это или не так на самом деле, нужно исследовать особо.

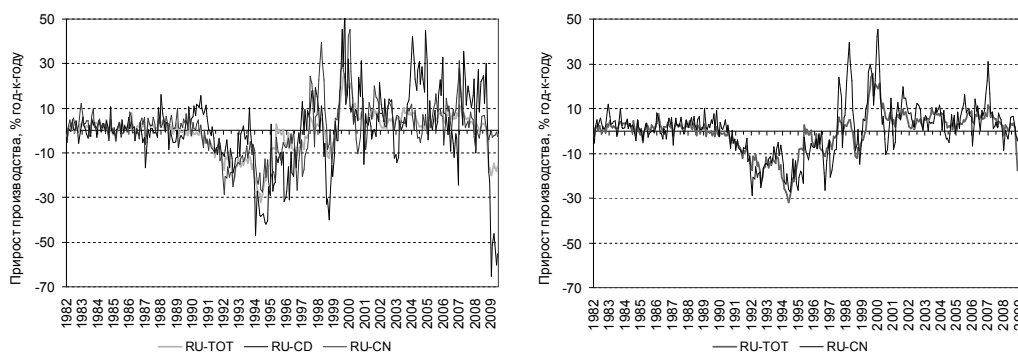

Рис. 4. Прирост индексов промышленного производства России по основным категориям рынков, % год к году

Источник: данные Центра развития.

В динамике выпуска продукции, имеющей разное функциональное назначение, в России никак не проявляются эффекты опережения и запаздывания. В частности, в динамике производства инвестиционных товаров не наблюдается лагов, связанных с принятием инвестиционных решений. По потребительским товарам длительного пользования нет ни опережения общепромышленной динамики, ни эффекта «отложенного спроса» (см. рис. 5). Следует также отметить, что в России гораздо выше, чем в США, коэффициенты корреляции между динамикой отдельных групп и динамикой всей промышленности при больших (более полугода) лагах, как запаздывающих, так и опережающих. Парадоксальным образом это означает большую «поведенческую» инерционность производства при его большей волатильности.

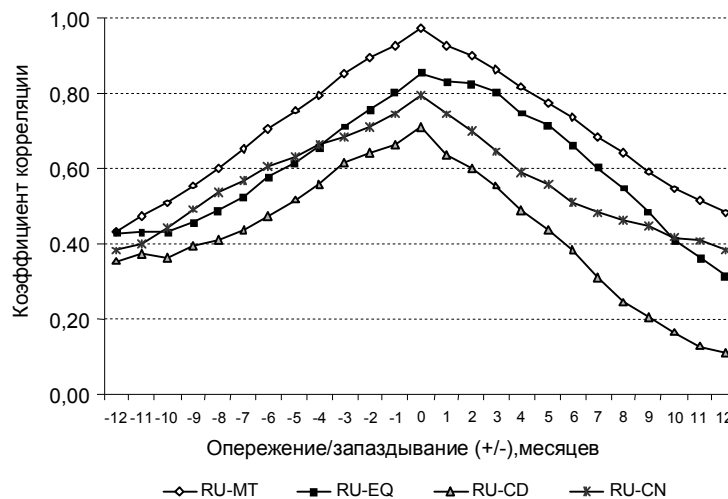

Рис. 5. Россия (январь 1982 г. – июнь 2009 г.): корреляции с темпами роста всего промышленного производства при разных лагах

Источник: данные Центра развития.

Наконец, хотя волатильность выпуска потребительских товаров краткосрочного пользования, как и в США, уступает волатильности производства инвестиционных товаров и потребительских товаров длительного пользования, в России она существенно превышает волатильность производства сырья и материалов (и всей промышленности). В действительности, колебания индекса потребительских товаров были столь велики, что возникли сомнения, не вкрались ли в его расчет элементарные опечатки или арифметические ошибки. Проведенная перепроверка подобных ошибок не выявила. Зато выявила тот факт, что по отдельным потребительским товарам краткосрочного пользования колеблемость объемов производства нередко составляет десятки и сотни процентов (при сопоставлении «год к году»).

Например, в январе 2007 г. агрегированный индекс потребительских товаров краткосрочного пользования вырос на 31% г/г (т.е. очень сильно). Однако при этом производство виноградных вин увеличилось по сравнению с январем 2006 г. в 25 раз, а производство водки – в 260 раз. Можно ли предположить, что в такой же степени вырос потребительский спрос на эти товары? Конечно, нет! Просто за год до этого пытались внедрить систему автоматизированного учета алкогольной продукции (ЕГАИС), но из-за ее недоработок парализовали винодельческую отрасль. Естественно, на следующий год темпы оказались просто колоссальными. Или другой пример: в том же январе 2007 г. производство сахарного песка возросло в 3 раза (год к году). Казалось бы, это могло быть связано с сокращением спроса на сахар со стороны виноделов в январе предыдущего года, из-за чего могло уменьшиться производство. Однако это не так. В начале 2006 г. никакого снижения спроса на сахар не было и в действительности тогда наблюдался не избыток, а дефицит сахара (что видно хотя бы из стремительного роста цен на него как раз в этот период). Этот дефицит носил общемировой характер и был вызван снижением поставок из Бразилии и Таиланда¹⁹.

4. Заключение

Анализ циклических особенностей выпуска промышленной продукции, имеющей различное назначение, показал, что в экономике США они во многом определяются специфическими особенностями спроса. В силу того, что население стремится при всех обстоятельствах поддержать привычный объем текущего потребления, производство потребительских товаров краткосрочного пользования имеет наименьшую волатильность. Выпуск товаров инвестиционного назначения и (особенно) потребительских товаров долгосрочного пользования колеблется гораздо сильнее, поскольку в «трудные» времена их приобретение вполне может быть перенесено «на потом» (при этом на потребительские товары долгосрочного пользования формируется отложенный спрос, тогда как инвестиционные решения принимаются как бы «с чистого листа», без учета того, что раньше инвестиции не были осуществлены). Производство сырья и материалов в США практически синхронно со всей промышленностью (что естественно, поскольку выпуск промежуточной продукции определяется динамикой конечной продукции), но несколько более волатильно, поскольку изменения конечного спроса усугубляются движением запасов. Наконец, выпуск потребительских товаров опережает общепромышленный цикл на 1–2 месяца (в силу

¹⁹ Для России дополнительным важным фактором было сокращение экспорта из Украины, где в преддверии выборов уменьшили вывоз сахара, чтобы не дразнить народ ростом внутренних цен на товары первой необходимости.

особой чуткости американских потребителей к изменениям конъюнктуры), а выпуск инвестиционных товаров, напротив, запаздывает относительно него примерно на 3 месяца (по всей видимости, вследствие существования лагов в принятии инвестиционных решений).

В российской промышленности те циклические закономерности, которые действуют в США, не обнаруживаются. Значит ли это, что российская экономика не подвержена закономерностям циклического развития?

Для ответа на этот вопрос нужно сначала сказать несколько слов о соотношении «плановости» и «циклическости» (на 1980-е гг. – длительный период агонизирующей экономики СССР – приходится первая треть наших временных рядов по промышленному производству). Многие отечественные экономисты еще с советских времен полагают, что в плановой экономике «циклов не бывает»²⁰. Это связано с тем, что отсутствие циклов – с присущей им фазой кризиса – с давних пор преподносилось социалистической политэкономией как важнейшее преимущество плановой системы. С учетом идеологической значимости этого постулата для советской политической системы не приходится удивляться тому, что после закрытия в 1929 г. Конъюнктурного института (его директором в течение ряда лет был знаменитый Николай Кондратьев) в СССР исследованию циклов в социалистической экономике не находилось никакого места. Хотя здесь нет возможности подробно останавливаться на этой проблематике, отметим, что в мировой экономической науке тезис о безкризисности и ациклическом характере плановой экономики давно опровергнут (см., например, [8]).

Необходимо также соотнести феномен трансформационного спада, во многом определявший динамику российской экономики в первой половине 1990-х гг., с понятием циклическости. Этот спад зачастую трактуют как явление уникальное, связанное с ломкой всей экономической системы и потому не имеющее отношения к циклическости российской экономики. На наш взгляд, такое понимание основано на давнем недоразумении, которое сводится к смешению *циклическости* экономики с ее *периодичностью*. В этой парадигме говорить о циклическости экономики можно только в том случае, если кризисы – как конституирующие элементы циклов – повторяются с более или менее постоянной периодичностью (например, 10 лет). Допускается также мысль, что реальная экономическая динамика может формироваться в результате «интерференции» нескольких строго периодических процессов с разной «длиной волны» (каждый из этих процессов как бы порождается какой-то одной причиной – обновлением основного капитала, появлением технологических новшеств и т.п.). Однако приходится констатировать, что за несколько десятков лет активных эмпирических исследований, выполненных на фактуре самых разных стран, так и не было найдено убедительных подтверждений подобных представлений. В действительности, уже в 1930-е гг. в ходе научных изысканий, инициированных Великой депрессией, в западной экономической мысли сформировались и получили значительное (если не преобладающее) распространение такие представления о бизнес-циклах, которые решительно «разводили» понятия циклическости и периодичности. Согласно этим воззрениям экономический *цикл* есть последовательность сменяющих друг друга *непериодических* спадов и подъемов, причем каждая фаза цикла имеет свой

²⁰ Невольно возникает ассоциация со знаменитой фразой: «В СССР секса нет». Оба тезиса вытекают из идеологических установок поздней коммунистической пропаганды, оба были замешаны на намеренной путанице в понятиях и оба не выдерживают эмпирической проверки.

доминирующий «драйвер», а смена фаз может происходить под влиянием разного рода случайных «шоков» (войн, резких скачков цен или валютных курсов, появления технических новшеств, действий денежных властей и т.д.)²¹. С этой точки зрения – а нам она представляется достаточно убедительной в теоретическом и продуктивной в эмпирическом плане – трансформационный спад в России предстает в качестве одной из фаз (пусть даже затянувшейся) общеэкономического цикла. На протяжении этого спада вполне *могли бы* действовать механизмы, связанные с различиями в назначении промышленных товаров (направлениями их использования). «Могли бы», но – не действовали...

Дополнительные расчеты, проведенные нами по российским и американским данным за 1997–2009 гг. (т.е. за тот период, когда в России трансформационные эффекты – не говоря уже о «плановой специфике» – сошли на нет), дали тот же основной результат: в США эффекты опережения и запаздывания существуют, в России их по-прежнему нет²². Объемы производства всех типов продукции колеблются более или менее синхронно, без эффектов опережения или запаздывания. Наименьшую волатильность имеет выпуск не потребительских товаров краткосрочного пользования, а сырья и материалов. Значительную, подчас «макроэкономическую», роль играют события, затрагивающие отдельные предприятия или узкие сегменты рынка²³.

Все эти факты, взятые в совокупности, подводят к мысли, что в России – в отличие от США – динамика промышленного производства определяется не столько движениями спроса, сколько флуктуациями предложения. В значительной степени это связано с доставшейся от советских времен высокой концентрацией производства. Другой веский фактор связан с низкой финансовой устойчивостью абсолютного большинства российских компаний: при хорошей конъюнктуре они все почти одновременно растут, при плохой – дружно падают. Наконец, третьим – возможно, самым важным – фактором является то, что значительная часть платежеспособного спроса в России (в отличие от США) покрывается за счет импорта. В его динамике, вполне вероятно, и проявляются выявленные на примере США закономерности, связанные со спецификой спроса: запаздывание инвестиционного спроса, опережение потребительского спроса, эффект «отложенного спроса» для потребительских товаров длительного пользования и т.п.

Иными словами, хотя как российская, так и американская экономики в самой общей форме подчиняются универсальным законам циклического развития (чередованию фаз спадов и подъемов, ускоренного и замедленного роста), но механизмы реализации этих законов различны, причем отличия, среди прочего, определяются структурными особенностями двух экономик. Это говорит о невозможности «механического» переноса выявленных в США или других странах закономерностей на

²¹ Подобные взгляды нередко возводятся к [7], статье первого Нобелевского лауреата по экономике Р. Фриша, опубликованной им еще в 1933 г.

²² Для США самое главное, пожалуй, отличие – в отсутствии эффекта отложенного спроса по потребительским товарам долгосрочного пользования. Скорее всего, это связано с тем, что конец 1990-х и начало 2000-х гг. для американского потребительского сектора были временами очень спокойными и стабильными, так что «затягивать пояса» там никому не приходилось.

²³ Так было, например, после пожара на заводе по производству телевизоров турецкой марки «Вестел» в г. Александрове (Владимирская область) в ноябре 2005 г.

российскую почву. Специфика циклических процессов в экономике России должна стать предметом особого внимания отечественных исследователей.

* *

*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонов В.А. Проблемы анализа российской макроэкономической динамики переходного периода. М.: ИЭПП, 2005. С. 104–170.
2. Раннева Н.А., Балашова А.И. Проявления кризиса в сфере межотраслевых связей // Экономический цикл в США (70-е – начало 80-х годов). М.: Наука, 1985. С. 91–107.
3. Смирнов С.В. Динамика промышленного производства в России: 1981–1992 гг. М.: Центр развития, 1992. (http://www.dcenter.ru/science/Smirnov_Prod_1981-92.pdf)
4. Смирнов С.В. Система опережающих индикаторов для России // Вопросы экономики. 2001. № 3.
5. Стърин К., Потапова В. Опережающий индикатор ВВП РенКап-РЭШ. Лучше и раньше. М.: Ренессанс-Капитал-РЭШ, 2009. ([http://fir.nes.ru/ru/science/Documents/GDP%20Dec09%20\(rus\).pdf](http://fir.nes.ru/ru/science/Documents/GDP%20Dec09%20(rus).pdf))
6. Райская Н.Н., Сергиенко Я.В., Френкель А.А. Использование интегральных индексов в анализе циклических изменений российской экономики // Вопросы статистики. 2009. № 12.
7. Frisch R. Propagation Problems and Impulse Problems in Dynamic Economics // Essays in Honor of Gustav Cassel. L.: Allen and Unwin, 1933.
8. Ickes B.W. Cyclical Fluctuations in Centrally Planned Economies: A Critique of the Literature // Soviet Studies. 1986. № 1. P. 36–52.
9. Stock J.H., Watson M. W. Business Cycle Properties of Selected U.S. Economic Time Series, 1959–1988: NBER Working Paper 3376. 1990.
10. Stock J.H., Watson M.W. Business Cycle Fluctuations in U.S. Macroeconomic Time Series // Taylor J.B., Woodford M. (eds.). Handbook of Macroeconomics. Amsterdam: North-Holland, 1999. P. 3–64.
11. Stock J.H., Watson M.W. Has the Business Cycle Changed and Why?: NBER Working Paper 9127. 2002.
12. Zarnowitz V. Orders, Production, and Investment: A Cyclical and Structural Analysis. NBER, 1973.